

Аргентина и первая мировая война: международная политика Иригойена.

Зависимое положение Аргентины в мировой экономике обусловило ограниченность ее внешнеполитического потенциала. Национальная государственность слабо реализовывалась в самостоятельных акциях на мировой арене. Внешнеполитические мероприятия аргентинских правительств, как правило, являлись ответом на угрозы или вмешательство иностранных держав или же касались отношений с сопредельными странами.

Успехи в развитии страны в рамках агроэкспортной модели и превращение Аргентины в начале XX века в наиболее богатое и развитое государство Латинской Америки привели к возрастанию ее международной роли, прежде всего в межамериканских делах, где позиция Аргентины отличалась относительной самостоятельностью. Аргентина возглавляла оппозицию США на панамериканских конференциях. Выступила инициатором разработки «международного латиноамериканского права», призванного вооружить государства региона средствами международно-правовой защиты от иностранных интервенций, и создать арбитражный суд для мирного урегулирования возникавших между ними споров. Крупнейшей акцией в этом направлении стала доктрина «Кальво-Драго». Частично ее положения в виде «конвенции Драго-Портера» были одобрены второй Гаагской конференцией в 1907 г.

Известная внешнеполитическая самостоятельность Аргентины имела свои пределы и может быть понята в контексте существовавших противоречий между США и европейскими державами. Для правящих кругов Аргентины, в силу включенности страны в экономическую систему западноевропейских стран, руководящим принципом внешней политики стала ориентация на эти державы, прежде всего Англию, и оппозиция США, так как обе страны выступали конкурентами на мировом рынке продовольственных товаров.

Начавшаяся первая мировая война и вступление в нее США поставили Аргентину перед выбором: последовать их примеру или остаться нейтральной. В стране развернулась борьба сторонников

и противников нейтралитета, за которой скрывались поиски места Аргентины в изменившемся мире.

Аргентина и мировая война

Когда 12 октября 1916 г. И.Иригойен вступил в должность президента, в мире третий год шла война. Предыдущее правительство В. де ла Пласы, сменившего на президентском посту умершего Р.Саенс Пенья, с началом военного конфликта в Европе объявило о нейтралитете Аргентины. Вместе с тем общественное мнение страны было на стороне держав Антанты¹. Политика нейтралитета не сопровождалась защитой суверенных прав страны, что наиболее ярко проявилось при расстреле немецкими войсками аргентинского вице-консула в Бельгии и захвате британским флотом аргентинского торгового судна. В обоих случаях аргентинское правительство не осмелилось настаивать перед Германией и Великобританией на возмещении морального и материального ущерба². До 1917 г. нейтралитет Аргентины являлся продолжением старой политики: ориентация на державы Антанты, которые не требовали вступления Аргентины в войну, будучи заинтересованными в бесперебойной поставке продовольствия. Такая политика не встречала противодействия и США, пока последние оставались нейтральными.

Первые месяцы президентства Иригойена по времени совпали с эскалацией мирового конфликта. 31 января 1917 г. Германия объявила о начале неограниченной подводной войны. В ответ на это США разорвали с ней дипломатические отношения и 6 апреля объявили войну. В ноте о разрыве отношений с Германией правительство президента В.Вильсона обратилось ко всем нейтральным странам с призывом «предпринять аналогичные действия»³. Большинство латиноамериканских стран последовало примеру США: восемь стран объявили войну Германии, пять разорвали с ней дипломатические отношения⁴.

Американское правительство не рассчитывало на активное участие стран региона в военных действиях, а добивалось их безусловного следования в фарватере своей политики. Как раз последнего и не желало делать правительство Иригойена, которое не только сохранило нейтралитет, но и постаралось придать ему активный и принципиальный характер.

Нейтралитет Иригойена не был простым продолжением политики консерваторов. Он не основывался на прагматизме и не преследовал цели выторговать у великих держав те или иные подачки. В основе политики нейтралитета лежало мировоззрение, филосо-

фия лидера радикалов. Внешнеполитический курс Иригойена вытекал из его морально-этической концепции, которая определяла подходы к решению международных проблем.

Во внешней политике Иригойен руководствовался теми же демократическими идеалами, что и при проведении внутренней. Аргентинский нейтралитет, по мнению президента, воплощал идеалы нации, которые война отрицала: идеалы справедливости и братства. Они позволили бы людям жить достойно, а нации – в условиях мира, поддерживая дружбу со всеми народами. Иригойен был убежден, что мир является нормальным состоянием народов, и всякая попытка его нарушить есть чрезвычайное событие. Нейтралитет невоюющих государств во время военного конфликта представлялся ему правилом, а не исключением, и он не считал необходимым его специально объявлять. Вступление в войну в результате конъюнктурных соображений, под давлением великих держав стало бы проявлением беспринципности, предательством идеалов.

В понимании Иригойена мир и демократия были неразделимы. Такой «идеализм» как нельзя лучше соответствовал интересам Аргентины, в которой только начиналось утверждение демократии. Внешняя политика правительства радикалов призвана была обеспечить мир, необходимый для национального и социального развития, проведения назревших преобразований.

Вместе с тем Иригойен не был пацифистом, и его политика не была политикой постоянного и неизменного нейтралитета. Выбор политического курса на нейтралитет сочетался с активной защитой суверенных прав страны, противодействием попыткам великих держав их нарушить. Нейтралитет сохранялся до тех пор, пока не затрагивались аргентинские интересы.

В основе нейтралитета лежал принцип неприсоединения ни к одной из воюющих группировок держав. Иригойен оставлял за Аргентиной право самостоятельно судить о любом вопросе и принимать меры, соответствующие ее интересам. Он стремился ничем себя не связывать в вопросах внешней политики. В этом проявился отказ от любой вассализации в отношении к кому бы то ни было, стремление выступать как самостоятельная политическая сила на мировой арене, а не быть статистом в свите великих держав.

Корни неприсоединения – в антиолигархической борьбе радикалов. «Отсоединение» от мировой политики великих держав стало логическим следствием непримиримости, перенесением на международную арену принципа несотрудничества с олигархическим режимом. Как внутри страны борьба за соблюдение конституции

являлась главной целью радикалов, так и на международной арене такой целью стала борьба за соблюдение принципов международного права.

Для Иригойена это казалось особенно важным, поскольку традиционных атрибутов международного влияния – военной или индустриальной мощи – у Аргентины не было. Повысить удельный вес страны в мировой политике можно было через внешнеполитическую деятельность, основывающуюся на моральных принципах. В условиях войны это означало защиту принципов международного права. Только это могло принести Аргентине авторитет в мире и уважение со стороны других стран и народов. Иригойен считал: «Безопасность и благополучие республики, как высший закон государства, заключается не только во внутреннем спокойствии, не только в материальном росте богатства. Нужно, чтобы имя и престиж страны, основывающийся на моральных ценностях, в международном сообществе были известны и уважаемы правительствами и народами цивилизованного сообщества»⁵.

Вместе с тем проблема неучастия Аргентины в мировой войне не исчерпывалась лишь политико-юридической стороной. По глубокому убеждению Иригойена, мировая война противоречила национальным интересам Аргентины, и его политика преследовала цель не позволить втянуть страну в военный конфликт. Он не доверял правительствам США и Англии и считал их политику империалистической⁶.

Аналогичных взглядов придерживались и другие сторонники нейтралитета Аргентины. М.Угарте, по праву считающийся провозвестником антиимпериалистической борьбы в Латинской Америке, предупреждал, что в результате войны установится господство США. Обращаясь к сторонникам вступления в войну вместе с США, он писал: «Как испаноамериканцы собираются быть на стороне Соединенных Штатов в войне, которая должна принести Соединенным Штатам исключительное влияние на все наши республики и мировую гегемонию?»⁷ По его мнению, лишь единство латиноамериканских стран способно было воспрепятствовать американской гегемонии⁸.

Сторонники нейтралитета опасались, что отказ от него превратит Аргентину в вассала великих держав. Единственное средство избежать этого – остаться в стороне от конфликта⁹. Они не видели принципиальной разницы между политикой Германии и держав Антанты и считали, что в основе развернувшейся борьбы в Европе лежали экономические причины, и речь шла о борьбе за мировое

господство¹⁰.

Сторонники вступления в войну, которых было большинство, как в национальном конгрессе, так и в целом в правящих кругах и среди интеллигенции, также не отрицали империалистических целей в конфликте, но приписывали их исключительно Германии. В их представлении борьба шла между силами демократии, цивилизации, представляемые державами Антанты и США, и абсолютизма, милитаризма и остатками феодализма, олицетворяемыми Германией. Со стороны союзников война носила освободительный характер, была призвана покончить с германскими милитаризмом и дать свободу самому немецкому народу. Аргентина в силу экономических и духовных связей с державами Антанты и США должна была быть на их стороне¹¹.

Наиболее подробно развил эти доводы Р.Рохас, связав их с актуальными вопросами национального развития. Он подходил к вопросам войны и мира с точки зрения консолидации аргентинской нации: способствует или нет нейтралитет решению этой задачи. По его мнению, нейтралитет был губителен для страны, так как препятствовал формированию национального самосознания, усиливал эгоизм, благоприятствовал жизни без веры и солидарности¹². Он расценивал нейтралитет как политику мира «фактории, занятой лишь торговыми барышами»¹³. Причины нейтралитета он усматривал в «нашей меркантильности, гражданском бескультурье»¹⁴.

Как и Иригойен, Рохас ратовал за демократические преобразования. Если Иригойен видел в нейтралитете путь к укреплению демократии в стране и ее суверенитета на международной арене, то в представлении Рохаса нейтралитет вел к международной изоляции Аргентины, дискредитировал ее перед демократическими странами. Такой взгляд на нейтралитет вытекал из его понимания мировой войны. Для Рохаса она была войной наций с тремя деспотическими «империями»¹⁵, и место Аргентины было не на стороне «теократии и империализма», а вместе с союзниками, которые для него представляли все человечество, особенно после вступления в войну США.

Будущее Аргентины, ее демократическое развитие Рохас связывал с победой союзников, в результате которой только и мог появиться «свободный человек в свободных и братских нациях»¹⁶. Пройдут годы, и Рохас изменит свои оценки, признав справедливость политики нейтралитета, проводившейся Иригойеном. Переосмыслит он свое отношение и к радикализму в целом, вступив после военного переворота 1930 г. в ряды ГРС.

Схожих взглядов на роль США в войне придерживался в 1917 г. и Х.Инхеньерос. Его симпатии были на стороне Вильсона, «который вступил в войну от имени права и справедливости, а не для того, чтобы распространить в мире господство своего народа»¹⁷. Если до начала 1917 г. война велась между империями за господство в мире, носила империалистический характер, то со вступлением в войну США она получила демократические цели, и нейтралитет стал невозможен¹⁸. Демократический характер войне со стороны союзников придали и русская революция, свергнувшая царское самодержавие¹⁹. Очень скоро Инхеньерос убедился в ошибочности своих оценок политики Вильсона, но не отказался от поддержки Октябрьской революции, выступая в Аргентине пропагандистом советского опыта.

Отношение к войне вызвало раскол в рядах социалистической партии и образование на базе ее левого крыла в 1918 г. интернационально-социалистической партии, с 1920 г. – коммунистической партии Аргентины. Руководство социалистической партии и ее парламентская фракция во главе с Х.Б.Хусто, Э.Дикманом, А. де Томасо не считали мировую войну империалистической. По их мнению, это была борьба не двух империалистических группировок за передел мира, а война между демократическим капитализмом, олицетворяемым США и Англией, и реакционным германским капитализмом. Вину за развязывание войны они целиком возлагали на Германию²⁰, а после объявления ею неограниченной подводной войны ратовали за разрыв с нею дипломатических отношений²¹.

Левое крыло социалистов – А. Палкос, Х.Пенелон, Х.Ферлини – рассматривало мировую войну как империалистическую с обеих сторон, которая «является следствием современных экономических отношений, основанных на частной собственности и товарном производстве» и преследует цель «завоевания капиталистами новых рынков»²². Они призывали к решительной борьбе против войны, несовместимой с интересами рабочего класса и обвиняли лидеров партии в предательстве идей интернационализма²³.

Несмотря на давление справа и слева, оппозицию в рядах собственной партии Иригойен твердо придерживался нейтралитета. В ответ на объявление Германией подводной войны, а США – войны Германии, аргентинское правительство постаралось заставить уважать свои права и принципы международного права, что, по словам министра иностранных дел О.Пуэйрредона, «давало Аргентине право требовать того же от других»²⁴. Уже в ответной ноте

германскому правительству Пуэйрредон, выразив сожаление в связи с принятием столь чрезвычайных мер, сообщил, что аргентинское правительство «будет как и прежде руководствоваться в своем поведении принципами международного права»²⁵. С этих же позиций рассматривалось и вступление США в войну. Аргентина признала «справедливость этого решения ввиду того, что оно основывается на нарушении принципов нейтралитета, освященных международным правом, которые всегда рассматриваются как окончательные завоевания цивилизации»²⁶. Иригойен не видел причин для вступления Аргентины в войну, пока ее суверенные права не подвергались опасности²⁷.

Независимая позиция Аргентины вызвала раздражение в среде союзников и стремление оказать давление на Буэнос-Айрес. Во французской печати появились сообщения, что банкиры США отозвали свое предложение займа Аргентине и потребовали своевременной выплаты по ранее предоставленным кредитам. Эти сообщения дополнялись другими, в которых аргентинское правительство обвинялось в том, что Аргентина стала центром немецких интриг в Южной Америке²⁸.

Дело не ограничилось пропагандистской кампанией. В июне 1917 г. произошел дипломатический инцидент, вызванный заходом американской эскадры под командованием адмирала В.Капертона в Буэнос-Айрес. Эскадра Капертона несла охрану коммуникаций союзников в Южной Атлантике и имела право захода в порты Бразилии и Уругвая. Такой же привилегии США решили добиться и от Аргентины, хотя последняя в отличие от Бразилии и Уругвая оставалась нейтральной страной. Сообщая о визите кораблей, посол Ф.Стимсон заявил Пуэйрредону, что корабли безоговорочно войдут в Буэнос-Айрес. Инициатива посылки эскадры исходила от военно-морского министерства, которое полагало, что визит военных кораблей заставит Аргентину отказаться от нейтралитета²⁹.

Американский демарш имел прямо противоположный результат. Иригойен потребовал «безоговорочно» убрать корабли, предупредив американского посла, что в противном случае сообщит стране, что не разрешает заход кораблей на таких условиях. Перед серьезностью аргентинского ответа государственный департамент изменил первоначальную формулировку, прося разрешения на визит вежливости³⁰. После этого с аргентинской стороны последовало приглашение, и американские моряки несколько дней провели в Буэнос-Айресе³¹.

Вслед за американскими кораблями Буэнос-Айрес посетил английский военный корабль «Глазго». Как и визит американской эскадры, он преследовал цель вызвать общественную поддержку союзным державам и оказать давление на аргентинское правительство. Такую же цель имело и интервью британского посла Р.Тауэра аргентинской газете «Ла Насьон», известной своей оппозиционностью правительству радикалов. В интервью прозвучала угроза оказать торговое давление на Аргентину и открытая поддержка аргентинских конгрессменов, высказывавшихся за разрыв с Германией. Заявление посла явилось открытым вмешательством во внутренние дела Аргентины и ему пришлось извиняться в ноте, направленной в аргентинский МИД³².

Еще более острый дипломатический конфликт возник с Германией, который грозил положить конец аргентинскому нейтралитету. Он был связан с потоплением германскими подводными лодками аргентинских судов и публикацией телеграмм немецкого посла в Буэнос-Айресе графа К.Луксбурга, открыто враждебных Аргентине.

Аргентина впервые испытала на себе объявленную Германией подводную войну 4 апреля и 22 июня 1917 г., когда были потоплены торговые суда под аргентинским флагом «Монте Протехидо» и «Торо». В обоих случаях жертв не было.

В связи с потоплением «Монте Протехидо» аргентинское правительство потребовало у Германии извинений и возмещения за потопленное судно. В ноте, в частности, говорилось: «Атака, произведенная на аргентинское судно, противоречит священным принципам международного права, строго соблюдаемому все время нейтралитету и сердечным отношениям, существующим между Аргентиной и империей»³³. Германия полностью удовлетворила аргентинские требования, принесла извинения и обязавшись возместить убытки и произвести салют аргентинскому флагу³⁴. Тем самым ожидавшийся в дипломатических кругах Буэнос-Айреса разрыв с Германией не состоялся³⁵.

Переговоры по поводу потопления «Торо» с грузом пшеницы, мяса и шкур носили более сложный характер. 4 июля аргентинское правительство потребовало от Германии не только извинений и возмещения убытков, но и категорического признания свободы морей для аргентинского судоходства. В ответной ноте от 28 июля Германия выразила сожаление в связи с происшедшим инцидентом и согласилась отсалютовать аргентинскому флагу, но настаивала, ссылаясь на Лондонскую конвенцию 1909 г. о правилах мор-

ской войны, что действовала в соответствии с международным правом, поскольку находившиеся на борту «Торо» товары в соответствии с этой конвенцией являлись военной контрабандой. Аргентинское правительство не приняло немецких объяснений и в новой ноте от 4 августа заявило, что «природные продукты страны не могут рассматриваться военной контрабандой» и потребовала признания этого немецкой стороной, так же, как и свободы судоходства. В ноте от 28 августа германское правительство приняло все требования Аргентины³⁶. Правительство Иригойена одержало полную дипломатическую победу над Германией, добившись от нее уступок, которые та не сделала другим нейтральным странам³⁷.

Спустя одиннадцать дней после урегулирования инцидента с «Торо» произошло третье и наиболее серьезное нарушение аргентинского суверенитета. 8 сентября американское правительство опубликовало три телеграммы Луксбурга, перехваченные англичанами и переданные в государственный департамент. Две из них содержали рекомендации посла «топить, не оставляя следов» аргентинские суда, в третьей Пуэйрредон характеризовался как «известный осел и англофил»³⁸. Хотя 7 сентября государственный секретарь Р.Лансинг известил аргентинского посла в Вашингтоне Р.Наона о телеграммах и сообщил о решении их напечатать, он даже не пытался получить предварительное согласие аргентинского правительства, ни заранее уведомить его³⁹.

В Аргентине общественная реакция на телеграммы Луксбурга была бурной. В Буэнос-Айресе состоялись антигерманские демонстрации, вылившиеся в погромы помещений немецких фирм. Действия аргентинского правительства были суровыми в отношении Луксбурга, но не ставили под вопрос отношения с Германией. Не дав Берлину возможности отозвать посла, Пуэйрредон 12 сентября вручил ему паспорта. В тот же день, уведомляя германское правительство о выдворении Луксбурга, он поблагодарил Берлин за «великодушную и достойную манеру», в которой был разрешен инцидент с «Торо». Иригойен ясно давал понять, что винит за случившееся не германское правительство, а посла⁴⁰.

Явное нежелание Иригойена использовать поведение Луксбурга для разрыва отношений с Германией не удовлетворило не только консерваторов и социалистов, но и часть радикалов. 24 сентября аргентинский конгресс подавляющим большинством голосов принял резолюцию, «чтобы в создавшихся обстоятельствах исполнительная власть прервала дипломатические отношения с правительством германской империи»⁴¹.

Решение конгресса не имело обязательного для исполнительной власти характера, поскольку по конституции президент осуществлял внешние сношения. Иригойен не прислушался к рекомендации конгресса, а 21 сентября, получив от германского правительства извинения и дезавуирование высказываний Луксбурга, счел инцидент исчерпанным. Расчет Лансинга на то, что обнародование телеграмм приведет Аргентину к войне с Германией не оправдался⁴².

В конце 1917 г. политическая проблема участия в войне отступила на второй план перед экономической: необходимостью обеспечить Англию и Францию поставками аргентинской пшеницы. Еще в середине 1916 г. начались переговоры о заключении англо-аргентинского зернового соглашения, но они закончились неудачей с приходом к власти Иригойена, который настаивал на более выгодных для Аргентины условиях. Из-за неурожая 1917 г. аргентинское правительство, несмотря на высокие мировые цены, ограничило экспорт пшеницы и муки, добиваясь этой мерой сдержать рост стоимости жизни в стране⁴³.

Ограничение экспорта аргентинского зерна противоречило интересам союзников, и они усилили давление на Аргентину при помощи США. Государственный департамент поручил послу Стимсону уведомить аргентинское правительство, что каждая страна, крупный производитель пшеницы и дружественная делу союзников, обязана принести жертвы, безоговорочно увеличив экспорт зерна в Англию и Францию⁴⁴.

В ноябре 1917 г. в Буэнос-Айресе начались переговоры между Аргентиной и Англией и Францией о закупке последними 2,5 млн. т аргентинского зерна. США формально не принимали участия в переговорах, но сыграли решающую роль при заключении соглашения. Аргентине фактически был поставлен ультиматум: экспорт аргентинского зерна в Европу отныне должен был идти только по соглашению с союзниками. В противном случае Аргентине угрожали невозобновлением предоставления кредитов, прекращением поставки угля и сокращением морских перевозок⁴⁵. Сделка финансировалась кредитом в 200 млн. золотых песо со стороны Аргентины. Тем самым союзники решали не только свои продовольственные, но и валютные трудности. Аргентино-англо-французское зерновое соглашение было заключено в январе 1918 г. на условиях союзников, после того как Аргентина добилась от США обещания, что на судах, идущих за пшеницей в Аргентину, будет доставлен американский уголь⁴⁶. В беседе со Стимсоном Пуэйрредон при-

знал, что главной причиной, по которой Аргентина пошла на заключение соглашения, была необходимость получить уголь⁴⁷.

К этому времени стало очевидно, что Аргентина не вступит в войну⁴⁸. Точку в споре сторонников и противников нейтралитета поставил аргентинский народ: на частичных выборах в конгресс в 1918 г. большинство избирателей проголосовало за ГРС.

Латиноамериканизм против панамериканизма

Олигархический режим оставил в наследие правительству радикалов внешнюю политику в Западном полушарии, замкнутую рамками панамериканского союза. Ведущим принципом аргентинской внешней политики в Южной Америке был принцип «баланса сил». В его основе лежало стремление Аргентины не допустить установления гегемонии Бразилии в регионе. С этой целью Аргентина в начале XX в. проводила политику «вооруженного мира», тратя значительные средства на гонку вооружений, прежде всего военно-морских, соперничество с Бразилией.

Аргентинские правящие круги видели путь к установлению «баланса сил» в проведении политики «равновесия» – тесной солидарности Аргентины, Бразилии и Чили, что должно было стать гарантией согласия в регионе и призвано было укрепить международный вес этой части мира. Соглашение трех стран воплотилось в договоре «АВС» – об арбитраже между Аргентиной, Бразилией и Чили, подписанном в мае 1915 г. в Буэнос-Айресе. Заключению договора предшествовало посредничество этих стран в американо-мексиканском конфликте на стороне США⁴⁹. По существу договор «АВС» вел к установлению руководящего положения этих стран в Южной Америке. Это не противоречило интересам США, поскольку их внешняя политика следовала в русле панамериканизма. Ратифицированный только Бразилией, договор «АВС» не получил практического применения в условиях начавшейся первой мировой войны, а с приходом к власти радикалов Аргентина решительно выступила против самого принципа «баланса сил».

Рассматривая независимый подход к международным делам как наилучшее средство соблюдения интересов Аргентины, Иригойен придавал первостепенное значение развитию отношений со странами Латинской Америки. Это стало приоритетным направлением аргентинской внешней политики. Укрепление роли и места Аргентины в международных делах Иригойен неразрывно связывал с укреплением дружбы и сотрудничества прежде всего с испаноамериканскими странами, в силу общности языка и историче-

ских судеб. С целью подчеркнуть цивилизационную общность и историческую связь с Испанией аргентинское правительство специальным декретом объявило 12 октября национальным праздником – «днем расы». Этим актом Иригойен официально узаконил то, что патриотически настроенная интеллигенция, группировавшаяся вокруг Латиноамериканской ассоциации во главе с М.Угарте, предлагала с 1914 г., когда в этот день в Буэнос-Айресе впервые прошли собрания, посвященные открытию Колумбом Америки⁵⁰.

Принципу «баланса сил» ведущих стран континента Иригойен противопоставил идею общности всех латиноамериканских стран и народов, которая должна была основываться на их духовном родстве и солидарности. Эта общность предполагала уважение суверенитета государств и невмешательство в их внутренние дела. Политике невмешательства во внутренние дела других стран Иригойен придавал первостепенное значение, поскольку она призвана была защитить суверенитет малых стран, обеспечить их юридическое равенство с более сильными государствами. В этом он видел гарантию мира на континенте. Поэтому аргентинский президент явился принципиальным противником договора «АВС», который, по его мнению, нарушал принцип равенства, ставя три нации в привилегированное положение. «Я не удивлюсь, – сказал он в беседе с чилийским послом, – что эта формула выражает интересы тех, кто хочет нас разделить»⁵¹. Тогда как, по глубокому убеждению Иригойена, высказанному в интервью для бразильской печати: «Всё нас связывает, ничто не разъединяет»⁵².

Иригойен постарался показать, что его заявления не расходятся с практическими делами. И продемонстрировал он это на примере отношений с Парагваем – страны, традиционно рассматривавшейся аргентинскими правящими кругами как сфера их влияния. В 1922 г. аргентинское правительство внесло в конгресс законопроект о списании долга с Парагвая, образовавшегося вследствие войны 1864–1870 гг. Этим актом преследовалась цель «навсегда покончить с злоключениями, существовавшими между нашими народами»⁵³. Все общественные и политические деятели и пресса Парагвая расценили решение Иригойена как проявление латиноамериканской солидарности, новой дипломатии, призванной уничтожить следы прошлых ссор и открыть новую страницу во взаимоотношениях двух стран⁵⁴.

Перед лицом «гражданской войны 1922–1923 гг.» в Парагвае и в ответ на просьбу парагвайского экс-президента М.Гондры про-

дать оружие аргентинское правительство ответило отказом. Отказ носил принципиальный характер и касался обеих противоборствующих сил. В ответе Гондре Иригойен заявил, что пока он остается президентом, он ни в коей мере не будет способствовать продолжению братоубийственной борьбы в братской стране⁵⁵. Комментируя заявление президента, орган ГРС, газета «Ла Эпока» писала: «Борьба в Парагвае для нас его домашнее дело, которое должны урегулировать сами парагвайцы»⁵⁶.

Самостоятельную позицию в духе латиноамериканской солидарности правительство Иригойена заняло и в отношении Мексики. Несмотря на давление США, Буэнос-Айрес в 1920 г. признал правительство генерала А.Обрегона, «что, – по словам Инхеньероса в интервью «Ла Эпока», – вызвало к нам симпатию и обнаружило, что аргентинское правительство может иметь собственную политику и не идти в хвосте никакого империализма»⁵⁷.

Отказ от вмешательства во внутренние дела соседних стран не означал политику невмешательства, если им угрожала внешняя агрессия, как в случае с Уругваем в 1917 г. После разрыва с центральными державами Уругвай столкнулся с возможностью организации Германией вооруженного вторжения немецких колонистов с юга Бразилии, о чем сообщило бразильское правительство. Не имея достаточных сил для отражения возможного нападения, уругвайское правительство обратилось за помощью к Аргентине. На вопрос министра иностранных дел Б.Брума, как поступит в этом случае Аргентина, Иригойен заявил, что Аргентина выступит на стороне Уругвая в защиту ее суверенитета, и аргентинская армия перейдет Рио-де-Ла-Плату, чтобы защитить уругвайскую территорию⁵⁸.

Внешнеполитическая концепция Иригойена не исчерпывалась развитием дружественных отношений с латиноамериканскими странами, стремлением сделать Латинскую Америку континентом мира и сотрудничества, а преследовала более широкие цели. Свое «американское кредо» Иригойен высказал в послании президенту и конгрессу Уругвая в ответ на их благодарность за оказанную поддержку. Оно заключалось «в поддержании, сохранении суверенитета наций, в их объединении в организацию в концерте стран мира»⁵⁹.

В начале 1917 г. аргентинское правительство выступило с инициативой проведения международной конференции стран Латинской Америки без участия США для обсуждения общих проблем настоящего и будущего. Идея созыва подобной конференции от-

ражала объективную реальность: в мире существовала группа государств, объединенных как общими цивилизационными узами, так и одинаковым – зависимым положением в системе мирового хозяйства. Вместе с тем национальные, государственные интересы этих стран слабо учитывались, поскольку Панамериканский союз – формально созданный как объединение всех государств Западного полушария – фактически являлся орудием проведения политики США. И спустя сто лет после завоевания независимости латиноамериканские государства так и не стали полноправными субъектами мировой политики.

Мировая война наглядно показала, что в одиночку отстаивать свои международные политические и экономические интересы отдельные латиноамериканские страны успешно не могли. Голос любой из них на мировой арене оказался бы слишком слаб для этого. Существовала настоятельная необходимость установления прочных связей, объединения сил и координации политики всех стран континента. Этого требовали интересы укрепления международного положения каждой из них, обеспечения их равноправия на мировой арене и безопасности как неперемненных условий для независимого развития.

Иригойен, как, пожалуй, никто из тогдашних государственных деятелей Латинской Америки, хорошо это понимал. Дважды в течение 1917 г. президент Аргентины пытался созвать конгресс нейтральных стран Латинской Америки в Буэнос-Айресе и выработать на нем общую позицию государств континента в отношении мировой войны. По мнению Иригойена, перед лицом мирового конфликта все более расширяющегося и приближающегося к берегам Америки, латиноамериканские страны должны сохранить нейтралитет. Однако прежний, пассивный нейтралитет больше не отвечал новым международным условиям и не гарантировал отдельные страны от втягивания в войну. Для его сохранения необходимо было объединение усилий всех латиноамериканских стран.

В первом приглашении, направленном 8 мая латиноамериканским правительствам, целью конгресса указывалось достижение взаимопонимания, выработка общей позиции в отношении войны и установление связей между странами для укрепления их международного положения⁶⁰. В повторном приглашении от 28 октября, когда ряд латиноамериканских стран уже объявил войну Германии, подчеркивалось, что вместо того, чтобы по отдельности давать себя втягивать в войну, необходимо коллективное выступление всех стран по вопросам войны и мира⁶¹. Только объединение

стран континента, подчеркивала «Ла Эпока», позволило бы преодолеть негативные для них последствия войны, которой поодиночке они не в состоянии противостоять⁶².

По существу Аргентина призывала остальные латиноамериканские страны последовать ее примеру: выйти на путь самостоятельной внешнеполитической деятельности, «отсоединиться» от политики великих держав и, объединившись, «создать новую силу» на мировой арене. Общая континентальная политика компенсировала бы политическую слабость и экономическую зависимость каждой страны в отдельности, позволила бы принять активное участие в решении международных проблем⁶³.

Иригойен был убежден, что в противном случае, на будущей мирной конференции, которая определит судьбы мира на десятилетия, со странами континента обойдутся так же, «как обходятся на африканских рынках, не принимая во внимание наши интересы»⁶⁴. «Внешнеполитическое освобождение» латиноамериканских стран мыслилось, прежде всего, от США. По этому поводу Иригойен сказал колумбийскому послу: «Недопустимо и нетерпимо, чтобы из-за того, что Соединенные Штаты приняли определенную линию поведения в настоящей войне, другие республики, устраивает ли это их или нет, должны присоединиться к ним. И еще менее допустимо, чтобы для достижения этого единодушия использовались принудительные меры, прежде всего экономические»⁶⁵.

В отличие от большинства тогдашних политических деятелей Иригойен не верил в искренность заявлений президента Вильсона об уважении суверенитета и прав малых народов, когда речь шла о Латинской Америке⁶⁶. Вместе с тем Иригойен был далек от того, чтобы занимать позицию тотального противостояния с США. Он добивался лишь того, чтобы США признали, что латиноамериканские страны «достигли совершеннолетия» и могли сами решать присоединяться или нет к политике США.

Помимо политических целей конгресса, предполагались и экономические, хотя о последних официально не говорилось. Они обсуждались на страницах официозной прессы. «Ла Эпока» отмечала, что проблемы войны и мира не являются единственным мотивом созыва конгресса, в его повестку может быть включена защита общих экономических интересов и даже организация «Внутриконтинентального таможенного согласия», которое, не будучи таможенным союзом, облегчило бы торговые отношения между странами, представленными на конгрессе, посредством договоров о либерализации торговли⁶⁷.

В целях привлечения максимального количества участников, придерживающихся различных точек зрения, правительство Иригойена не ограничивало конгресс конкретной программой. Для аргентинского президента, по крайней мере на первом этапе, конгресс представлялся форумом, на котором его участники могли свободно обмениваться мнениями по самым различным вопросам. Важен был сам факт собрания латиноамериканских стран, и не беда, если они не сразу придут к согласию. Главное – положить начало практике организации встреч для выработки совместных действий⁶⁸.

Паниспаноамериканизм Иригойена, как стали называть политику аргентинского президента, вступал в явное противоречие с панамериканизмом США. Еще 3 марта 1917 г. Стимсон сообщил в государственный департамент о намерении аргентинского правительства созвать конгресс латиноамериканских стран⁶⁹. Полученная информация насторожила Лансинга, и он обязал американских послов в Аргентине и Чили собрать более подробную информацию о планах Аргентины и об отношении Чили к аргентинскому предложению⁷⁰.

20 апреля Стимсон ответил Лансингу, что планируется созвать «Конгресс наций Америки» и идея конгресса поддерживается Боливией, Бразилией, Чили, Колумбией, Мексикой, Парагваем и Перу, но официальные приглашения еще не разосланы. Спустя два дня, подтвердив факт согласия вышеназванных стран, посол добавил, что ответ остальных ожидается и до настоящего времени отказов нет⁷¹. Первоначально конгресс должен был собраться в Буэнос-Айресе 15 августа 1917 г. с участием Боливии, Бразилии, Колумбии, Мексики, Парагвая, Перу, Уругвая, Эквадора, Гаити и пяти центральноамериканских государств⁷².

Перед рассылкой официальных приглашений Пуэйрредон имел беседу со Стимсоном о позиции США в отношении конгресса. Аргентинский министр заверил посла, что конгресс не направлен против США⁷³. Государственный департамент уклонился от определенного ответа, ограничившись следующей инструкцией Стимсону: посол должен сообщить министру иностранных дел в отношении конгресса, из которого исключены США, что «он не видит никакой возможности высказать точку зрения правительства США, в частности, в настоящее время»⁷⁴.

Вместе с тем за видимым единодушием латиноамериканских правительств скрывались различные позиции стран континента в отношении планировавшегося конгресса. Так, Гондурас ответил

согласием на участие в конгрессе, имея в виду, что он выскажется в поддержку США. Аналогичным образом ответили и остальные центральноамериканские страны⁷⁵.

После разрыва рядом государств отношений с Германией у американского правительства появилась возможность высказаться более определенно по поводу конгресса. Лансинг уполномочил Стимсона заявить Пуэйрредону, что «конгресс, так как он задуман Аргентиной, не может рассматриваться как выражение взглядов всей Латинской Америки, поскольку многие страны уже определили свою политику»⁷⁶. На этом основании Лансинг следующим образом инструктировал панамского посланника: «Правительство Панама должно ответить Аргентине, что решение в отношении войны уже принято, что оно разорвало отношения с Германией и встало на сторону США». Инструкция заканчивалась следующими словами: «Правительство США желает, чтобы Панама предприняла вышеназванные шаги и не принимала участия в конгрессе»⁷⁷.

Озабоченное позицией США, аргентинское правительство 17 мая поручило своему послу в Вашингтоне Наону донести до сведения Белого дома, что его действия «не могут быть интерпретированы как недружественные в отношении США»⁷⁸. Однако это не изменило американскую позицию. После беседы с аргентинским послом Вильсон сказал Лансингу, что это «очень плохой шанс для Аргентины чего-либо добиться»⁷⁹. Несмотря на уверения Наона в дружественных намерениях Аргентины, Лансинг 25 мая дал указание американским представителям в латиноамериканских странах донести до сведения соответствующих правительств американскую точку зрения: «Конгресс не будет иметь никакой пользы в настоящее время»⁸⁰.

2 июня Боливия отказалась от участия в конгрессе, заявив, что считает неподходящим время для его проведения, и если он состоится, то она не примет в нем участие⁸¹. 11 июня о своем отказе объявил Парагвай. 13 июня – Перу. Перуанское правительство дало наиболее развернутое объяснение причин, по которым оно отказывается от участия в конгрессе: Перу примет участие в конгрессе, если последний будет недружественен по отношению к США и не выскажется за совместные акции с США и под их руководством; целью конгресса должно быть объединение нейтральных стран Америки на общие действия в случае дальнейшей агрессии Германии; Перу не получило, в отличие от Аргентины, извинений и возмещения за потопленное Германией перуанское судно⁸².

В начале июля, оказавшись вовлеченным в конфликт с Германией в связи с потоплением «Торо» аргентинское правительство на время отказалось от проведения конгресса. В дипломатических кругах Буэнос-Айреса мало кто сомневался в том, что Германия отвергнет аргентинские требования, и война станет неизбежной. По поводу аргентинской ноты Германии от 4 июля Стимсон писал в государственный департамент: «Она может привести к разрыву отношений, что изменит всю ситуацию»⁸³.

С урегулированием аргентино-германских отношений Аргентина вновь вернулась к идее созыва конгресса и 28 октября вторично пригласила все государства континента принять участие в конгрессе, который намечался на первую половину января 1918 г. К этому времени большинство латиноамериканских стран шло в фарватере американской политики: разорвали отношения с Германией или объявили ей войну. В первый момент повторное аргентинское приглашение не встретило ни повсеместного отказа ни одобрения. Суммируя позицию различных латиноамериканских правительств, Стимсон 11 ноября сообщил в государственный департамент, что Боливия и Уругвай приняли аргентинское приглашение; Чили оговорило свое участие предварительным объявлением программы и цели конгресса; Эквадор поступит как Перу. Лишь Бразилия решительно не хотела созыва конгресса⁸⁴.

В этих условиях государственный департамент решил использовать тактику по срыву конгресса, предложенную перуанской миссией в Вашингтоне. Еще 30 октября латиноамериканский отдел государственного департамента посетил перуанский поверенный в делах Фрейре. Он желал знать мнение США о конгрессе и о той линии поведения, которой следует придерживаться латиноамериканским странам. Со своей стороны, перуанский дипломат представил меморандум с изложением позиции, которую могли бы занять все американские государства в отношении аргентинской инициативы. Поскольку аргентинское правительство настаивало на проведении конгресса, он предлагал принять в нем участие, но при одном условии: если первым пунктом повестки дня будет предложение о разрыве отношений с Германией и Аргентина согласится его поддержать. «Если американское правительство одобряет этот план, – говорилось в меморандуме, – мы примем участие в конгрессе в Буэнос-Айресе, после того как получим согласие Боливии, Эквадора и Уругвая покинуть конгресс, если предложение о разрыве отношений с Германией не будет одобрено. Мы желаем знать мнение правительства США по этому вопро-

су с тем, чтобы настаивать на нашем отказе или действовать в соответствии с вышеизложенным планом»⁸⁵.

Государственный департамент одобрил перуанский план и посоветовал Бразилии действовать в соответствии с ним⁸⁶. После этого он был принят Боливией, Эквадором и Уругваем⁸⁷. 15 декабря Лансинг поручил Стимсону передать аргентинскому правительству следующее: «Правительство США считает, что конгресс не может быть созван, если он не выскажется за цель, предложенную Перу и пока к перуанскому плану не присоединится Аргентина и другие страны»⁸⁸.

Аргентинское правительство не присоединилось к плану Перу, и конгресс не состоялся. Единственной страной, приславшей делегацию в Буэнос-Айрес, была Мексика.

Лига наций-победительниц или сообщество наций.

Если Аргентина, по мнению Иригойена, не должна была вмешиваться в мировую войну, то, напротив, в установлении мира она должна была принять самое активное участие. Позиция Иригойена вытекала из доктринальных основ радикализма: равенству людей внутри страны соответствует равенство государств на международной арене, и это является единственной возможной основой мирного сосуществования наций. Мир следует рассматривать не как передышку между двумя войнами, а как ценность, за которую необходимо, чтобы боролись все в меру своих моральных и материальных возможностей. Подлинным является мир не навязанный силой, а основанный на справедливости, равенстве, свободе. В последние дни войны, излагая точку зрения аргентинского правительства на предстоящий мир, «Ла Эпока» в редакционной статье писала: «Мы желаем мира, основанного на справедливости, который укрепил бы права слабых народов, установил бы принцип национальностей как основу будущей политической организации Европы и восстановил бы концерт наций на основе взаимного уважения, удалив навсегда пагубную систему вооруженного мира»⁸⁹.

Впервые официально аргентинское видение будущего мира было обрисовано в правительственном декрете по случаю заключения 11 ноября 1918 г. перемирия между союзниками и Германией. Декрет призывал отпраздновать «мировое событие, которое положило конец войне и приведет к установлению всеобщего мира при господстве свободы, справедливости и права, сохранение которого будет поддерживать аргентинское правительство»⁹⁰.

В основе аргентинской позиции в отношении послевоенного устройства лежало четкое разграничение между Парижской мирной конференцией и конференцией Лиги наций. На первой обсуждались условия мира между победителями и побежденными. На второй должны были рассматриваться проблемы всеобщего мира. Аргентинское правительство поддержало предложение Вильсона о создании Лиги наций, но Лиги наций, независимой от Версальской системы. С самого начала Иригойен мыслил ее как инструмент международного мира, а не как орудие в руках победителей для его нового передела. Отсюда идея Лиги наций как универсальной международной организации, объединяющей все суверенные государства, без деления их на победителей и побежденных.

20 марта 1919 г. Аргентина вместе с другими нейтральными странами приняла участие в заседании подкомитета комиссии 19-ти Парижской мирной конференции по разработке устава будущей международной организации. Собрание носило частный характер и призвано было ознакомить нейтралов с уже выработанным проектом. Ни одно из существенных предложений и возражений в отношении устава, высказанных нейтральными странами, не было учтено. Это касалось порядка принятия новых членов; увеличения представительства в совете; выборов непостоянных членов совета; расширения сферы арбитража; учреждение суда с обязательной юрисдикцией⁹¹. Великие державы предназначали нейтральным странам второстепенную роль в новой международной организации.

Аргентинское правительство, одоблив в принципе создание Лиги наций, не высказало своего мнения в отношении статей устава на собрании 20 марта. Оно оставило за собой право обсудить устав на ассамблее Лиги, поскольку, как говорилось в телеграмме Пуэйрредона аргентинскому послу во Франции М.Т.Альвеару, представлявшему Аргентину на этом совещании, «не считает, что на частных собраниях должно высказывать мнение об условиях ее создания»⁹². Помимо несогласия с процедурой принятия устава, отвергалось также сохранение, в условиях окончания войны, различия между воюющими и нейтральными государствами при образовании всемирной организации, так как, по убеждению Иригойена, «Лига имеет целью установить мир между всеми народами мира»⁹³.

Разъясняя аргентинскую позицию, Пуэйрредон в меморандуме, врученном дипломатическим представителям нейтральных стран в Буэнос-Айресе, подчеркнул, что проблема всеобщего мира интере-

сует всех в равной мере и является главной целью Лиги наций. Поэтому было бы справедливо пригласить все страны для обсуждения ее устава⁹⁴.

Утвержденный 28 апреля 1919 г. на пленарном заседании Парижской мирной конференции устав Лиги наций стал интегральной частью Версальского договора. 30 апреля Аргентина была приглашена вступить в Лигу наций и принять участие в заседаниях на условии безоговорочного соглашения с ее уставом. Последнее касалось всех нейтральных стран и означало, что, вступив в Лигу наций, они оказывались связанными с выполнением договоров, к которым не имели никакого отношения.

Аргентина оказалась перед дилеммой: отказаться от участия в будущей Лиге наций или одобрить без возражений ее политико-правовую основу, которая отражала характер политики великих держав, с которой она не была согласна. Правительство Иригойена постаралось избежать и того и другого и с этой целью – разделить мирный договор и устав Лиги наций. Касаясь будущей деятельности Лиги, «Ла Эпока» определяла ее следующим образом: «Действие Лиги и ее первый акт должен состоять в том, чтобы разрубить гордиев узел, который соединяет ее с Версальским договором»⁹⁵.

Аргентина присоединилась к Лиге наций 18 июля 1919 г., не дожидаясь ратификации Версальского договора, в соответствии с которым вступление в Лигу определялось сроком в 70 дней с момента его ратификации. Последнее означало, что Аргентина одобрила бы позицию великих держав, которые превратили устав в часть договора; согласилась бы со статус-кво, созданного победителями и связала бы себя с уставом, положение которого она собиралась обсуждать на предстоящей ассамблее как член-учредитель Лиги. Вступив в Лигу наций раньше, чем был ратифицирован договор, а значит и устав, Аргентина продемонстрировала свое согласие с общими принципами Лиги, но не с ее уставом. Разъясняя аргентинскую позицию в отношении вступления в Лигу наций, «Ла Эпока» писала: «Аргентинская республика не взяла на себя обязательства по исполнению устава Лиги наций. Ее присоединение означает лишь сотрудничество в деятельности по установлению всеобщего мира, которое предполагается концепцией Вильсона»⁹⁶.

Несогласие Аргентины с уставом Лиги наций не ускользнуло от внимательного взгляда Ж.Клемансо. 19 января 1920 г. вступил в действие Версальский мирный договор, а вместе с ним началось официальное существование Лиги наций и пошел отсчет времени

для вступления в нее бывших нейтральных стран. В этот же день генеральный секретарь Лиги наций Д.Э.Друммонд и председатель Верховного совета Антанты Ж.Клемансо сообщили об этом аргентинскому правительству. В телеграмме на имя Иригойена Клемансо приглашал Аргентину присоединиться к уставу Лиги наций в течение двух месяцев с момента вступления в силу Версальского договора⁹⁷. Этим самым он хотел добиться согласия Аргентины рассматривать устав в неразрывной связи с договором. Иригойен прекрасно понял намерение французского премьер-министра и в ответной телеграмме воспроизвел текст присоединения к Лиге наций 18 июля 1919 г.⁹⁸

28 июля 1920 г. Друммонд уведомил аргентинское правительство об открытии I-ой сессии Ассамблеи Лиги наций в Женеве 15 ноября 1920 г. и о предварительной повестке дня ее работы. Аргентинскую делегацию возглавил Пуэйрредон. В состав делегации вошли посол во Франции Альвеар и посол в Австрии (бывшей Австро-Венгрии) Ф.Перес. Перед отъездом в Женеву Пуэйрредон получил устные инструкции Иригойена.

Позиция Иригойена в отношении Лиги наций исходила из идеи демократизации международных отношений – равенства всех государств, которые свободно и на равных правах должны участвовать в международной организации, предназначенной для сохранения мира на земле. В противном случае Лига наций останется олигархической структурой на службе интересов победителей.

Инструкции Иригойена сводились к следующему: Аргентина не считает себя связанной с уставом Лиги наций, принятом на мирной конференции и предложит внести в него коренные изменения, направленные на придание организации универсального характера. Для того, чтобы Лига наций действительно стала сообществом наций, необходимо чтобы в ней были представлены все государства на основе суверенного равенства. Аргентинское предложение не являлось простой поправкой, а касалось самой сути новой организации, поскольку в принятом уставе этот принцип даже не упоминался⁹⁹.

Иригойен считал необходимым на собрании в Женеве вернуться к обсуждению устава на основе аргентинского предложения: допустить в Лигу наций все государства на равных правах. Пока организация не приобретет универсальный и равный для всех государств характер, аргентинское правительство рассматривает женевскую встречу как учредительный конгресс, чьим результатом, в случае принятия аргентинского предложения, будет рождение Ли-

ги наций, а вместе с ней и ассамблеи. Поскольку аргентинское предложение не является поправкой к уставу, а представляет собой требование, предваряющее составление любых статей устава, оно должно быть поставлено в качестве предварительного вопроса, от решения которого будет зависеть участие Аргентины в женеvской конференции. В случае отклонения аргентинского предложения, делегация, не принимая участия в обсуждении других вопросов, должна покинуть ассамблею¹⁰⁰.

I сессия Ассамблеи Лиги наций открылась в Женеве 15 ноября 1920 г. Идя навстречу пожеланию Пуэйрредона как можно скорее высказать аргентинскую точку зрения, главе аргентинской делегации уже 17 ноября было предоставлено слово для выступления на пленарном заседании.

Выступление Пуэйрредона касалось основополагающих проблем создания и функционирования международной организации. В нем нашли отражение основные идеи Иригойена о целях и задачах Лиги наций, ее структуре. Обосновывая идею универсальности Лиги, Пуэйрредон подчеркнул, что ее сила – во включении максимального количества стран. Все суверенные государства, признанные международным сообществом, должны стать ее членами. а неучастие тех или иных стран может быть лишь результатом их добровольного решения. Недопущение ряда государств породит серьезные антагонизмы, превратит Лигу в несправедливый союз, образованный для окончания войны, а не в могучую организацию для упрочения мира¹⁰¹.

С целью придания демократического характера организации Пуэйрредон предложил избирать членов совета ассамблеей в соответствии с принципом равенства всех государств, чтобы с течением времени все государства – члены Лиги могли быть представлены в совете, поскольку в своей нынешней форме организация совета «не согласуется с демократическим порядком, который мы должны установить в международной области»¹⁰². Таким образом, великие державы лишались своего привилегированного положения в совете Лиги, ликвидировалась олигархическая структура организации.

В отличие от факультативного (добровольного) третейского и судебного разбирательства международных споров Пуэйрредон предложил создание постоянного международного суда и обязательного арбитража. Аргентинскую позицию в этом вопросе он изложил следующим образом: «Мы поддерживаем принцип обязательного арбитража для всех конфликтов, которые не затрагивают

политического устройства государств, и мы объявляем себя сторонниками международного суда с обязательной юрисдикцией. Без него мы не мыслим самого существования Лиги наций». «Без господства справедливости ни одна страна мира не может быть свободной с международной точки зрения»¹⁰³.

Принципиально новым моментом в выступлении Пуэйрредона стало обращение к экономическим проблемам. Он выдвинул идею создания Лигой наций организации экономического сотрудничества между государствами с целью улучшения условий жизни народов. Это сотрудничество мыслилось на уровне правительств и представляло собой разновидность «международного этатизма», посредством которого они могли координировать свои действия в экономической области. Аргентинское предложение вело, по словам Пуэйрредона, «к созданию того, что мы могли бы назвать "международным клирингом"»¹⁰⁴. Последнее он считал полезным превратить в нормальную систему торговых сделок. По существу речь шла о том, чтобы таким способом разорвать монополию международных трестов.

По окончании речи Пуэйрредон не представил на этом же пленарном заседании главное аргентинское предложение, от решения которого зависело участие делегации в ассамблее. Тем самым был упущен благоприятный шанс, принимая во внимание впечатление, произведенное выступлением Пуэйрредона. Более того, делегация приняла участие в работе комиссий, созданных для изучения представленных странами участниками предложений, в том числе аргентинских. Это было прямым нарушением инструкций президента. В телеграмме от 20 ноября на имя Пуэйрредона исполняющий обязанности министра иностранных дел Торельо вновь повторил, что «перед тем как вступать в обсуждение любого пункта повестки дня требуется выяснение предварительного вопроса о допуске всех суверенных государств на собрание в Женеву». «Если это предложение не будет принято или отложено его рассмотрение... в этом случае делегация должна без промедления покинуть конгресс, представив ноту, в которой изложит свою точку зрения и идеалы, которых она придерживается в этот исторический для судеб человечества час»¹⁰⁵.

Делегация не уходила с ассамблеи, ссылаясь на то, что она не может сразу принять решение, не имея доклада соответствующей комиссии¹⁰⁶. Поэтому в телеграмме Пуэйрредону от 21 ноября Торельо еще раз повторил, что «речь идет не о том, что конгресс выскажется немедленно, а о том, что делегация не должна себя ни в

чем связывать, пока не будет рассмотрен главный вопрос»¹⁰⁷.

В ответ на настойчивые требования правительства неукоснительно следовать полученным инструкциям, Пуэйрредон в телеграмме от 1 декабря ответил, что «как только будет отвергнуто или отложено рассмотрение главного вопроса, делегация представит ноту и объявит об уходе. Это должно произойти в ближайшие дни»¹⁰⁸.

Последующее развитие событий показало иллюзорность ожиданий главы делегации. Аргентинское предложение было направлено в первую комиссию. Комиссия решила их не рассматривать и отложила вопрос до II-й сессии Ассамблеи в 1921 г. Председатель комиссии лорд А.Д.Бальфур даже не дал слова аргентинскому делегату Альвеару. Защищая принятое решение, Бальфур на пленарном заседании 2 декабря заявил: «Если мы внесем поправки в устав Лиги наций, мы изменим вместе с этим Версальский договор, частью которого он является»¹⁰⁹.

После этого Пуэйрредону ничего не оставалось как принять решение покинуть ассамблею. Против ухода Аргентины с ассамблеи, а значит и из Лиги наций, решительно выступили Альвеар и Перес. В делегации произошел долго зревший раскол между Пуэйрредоном, с одной стороны, и Альвеаром и Пересом, с другой. Суть возражений последних сводилась к следующему: аргентинское предложение противоречит уставу, к которому Аргентина формально присоединилась; великие державы его не примут и неуместно создавать враждебность с их стороны; Франция будет рассматривать Аргентину «как адвоката побежденных»; уход из Лиги наций требует утверждения конгрессом и, наконец, Альвеар считал достаточным «произнесенной речи, чтобы спасти общий принцип»¹¹⁰. В совместной телеграмме от 3 декабря на имя Иригойена Альвеар и Перес заявили, что делегация не должна занимать непримиримой позиции, и они считают несвоевременным уход с ассамблеи¹¹¹.

Пуэйрредон подождал 48 часов после отправления телеграммы и, поскольку от Иригойена ответа не последовало, 4 декабря вручил председателю ассамблеи ноту об уходе Аргентины. 6 декабря аргентинская нота была оглашена на пленарном заседании. В качестве главной причины ухода Аргентины указывалось непринятие главного аргентинского предложения, в котором «воплотились идеалы и принципы, которых Аргентина всегда придерживалась в международных вопросах и от которых она не может отказаться»¹¹². По существу этим шагам правительство Иригойена проде-

монстрировало, что не принимает новый мировой порядок, установленный победителями в Первой мировой войне¹¹³.

Не разделяло оно и их отношения к Советской России. Аргентина не приняла участия в блокаде, хотя приглашение к этому со стороны союзников аргентинское правительство получило. Когда же после гражданской войны в Советской России разразился голод, Иригойен внес в Конгресс законопроект о помощи русскому народу путем предоставления беспроцентного кредита в 5 млн. песо, «который эта страна погасит, когда сможет»¹¹⁴.

Существенным моментом, создававшим возможность для сближения двух стран, было их отношение к Лиге наций. В этом вопросе наблюдалось совпадение позиций Аргентины и Советской России. На Генуэзской конференции в 1922 г. советская делегация, предложив пересмотр устава Лиги наций, считала главным направлением пересмотра «превращение» организации в настоящий Союз народов без господства одних над другими, с уничтожением существующего деления на победителей и побежденных¹¹⁵. Таким образом, Советская Россия, как и Аргентина, реально поставила проблему суверенного равенства государств, больших и малых, победителей и побежденных.

Об аргентинской позиции в Москве узнали в 1922 г. во время пребывания советской делегации на Генуэзской конференции. В Генуе нарком иностранных дел Г.В.Чичерин встречался и беседовал с аргентинцами разных политических взглядов. В результате этих встреч и бесед он смог составить достаточно полное и объективное представление о международной позиции Аргентины. Свои выводы, а также предложения в отношении Аргентины Чичерин изложил в записке в Политбюро ЦК РКП.

Чичерин выделял следующие главные моменты аргентинской политики. Это выход страны из Лиги наций и ее противодействие англо-французской гегемонии. Неприятие Аргентиной Версальской системы в сочетании с аналогичной позицией в отношении панамериканизма. В связи с последним обстоятельством Чичерин отмечал «особую роль Аргентины в мировой политике, которая заключается в том, что при экспансии США в Южной Америке Аргентина стоит во главе борьбы против этой экспансии».

Аргентинскую политику Чичерин расценивал, как очень благоприятную для Советской России и в случае ее признания Аргентиной предлагал послать в Буэнос-Айрес полпреда. Эффект будет очень большой, заключал нарком¹¹⁶.

Последующее развитие событий не пошло по этому пути.

Письмо Чичерина совпало с последними месяцами пребывания Иригойена в президентском кресле. А его преемник М.Т.Альвеар, хотя и принадлежал к партии радикалов, вовсе не собирался продолжать политику своего предшественника.

¹ Русский посланник Е.Штейн, сообщая министру иностранных дел С.Д.Сазонову о намерении аргентинского правительства держаться нейтралитета в начавшемся конфликте, отмечал: "Что касается личных симпатий, как населения, так и официальных кругов, то оно всецело на стороне Тройственного согласия, и правительству, особенно в первое время, стоило немало труда предупредить враждебные Германии уличные демонстрации". – Архив внешней политики Российской империи. Ф.133. Канцелярия МИД. 1914. Д.67. Л.4. [Далее: АВПРИ].

² Argentina Congreso nacional. Cámara de diputados Diario de sesiones. Año 1917. T.VI. Buenos Aires, 1917. P.88, 91–93. [Далее: Diputados].

³ Текст ноты в: Hipólito Yrigoyen. Pueblo y Gobierno. T.I–XII. Buenos Aires, 1956. T. IX. P.243. [Далее: Hipólito Yrigoyen...].

⁴ Бразилия, Коста-Рика, Куба, Гватемала, Гаити, Гондурас, Никарагуа и Панама объявили Германии войну. Перу, Уругвай, Боливия, Доминиканская Республика и Эквадор разорвали дипломатические отношения с Германией. Аргентина, Чили, Парагвай, Колумбия, Мексика, Сальвадор и Венесуэла остались нейтральными.

⁵ Mensaje al Congreso nacional. 1922. – Hipólito Yrigoyen... T.IX. P.16.

⁶ Такая оценка прозвучала в беседе Иригойена с президентом Уругвая Б.Брумом. Уругвайский президент передал содержание беседы британскому послу в следующих словах: "Что касается отношения Иригойена к союзникам... он чувствует, что они пытаются его загнать в определенную линию поведения, а он не хочет, чтобы его загоняли. В то же время Иригойен признался, что не доверяет Соединенным Штатам и смотрит на Вильсона как на империалиста, который стремится осуществить власть в обеих Америках. От Англии он в священном ужасе... Он смотрит на Англию, как на державу, погрязшую в материализме и которая, захватив полмира и пресытившись, может теперь надеть лицемерную маску великодушия". – Цит. по: Rock D. Politics in Argentina. 1896–1930. The rise and fall of radicalism. Cambridge univ. press, 1975. P.149.

⁷ Ugarte M. El destino de un continente. Madrid, 1923. P.388.

⁸ Ibid. P.360.

⁹ Argentina Congreso nacional. Cámara de senadores. Diario de sesiones. Año 1917. T.II. Buenos Aires, 1917. P.1001. [Далее: Senadores].

¹⁰ Diputados. 1917. T.VI. P.14. Опровергая главный довод сторонников вступления в войну, – что борьба идет между силами демократии и автократии – депутат М.Каманьо говорил: "Какая разница существует между Гибралтаром и Эльзас-Лотарингией? Что из них является делом демократии? Где здесь демократия, а где автократия? Это во имя демократии или

во имя автократии исчезла республика буров? Это во имя демократии или во имя автократии... Англия отняла у нас Мальвины? – Ibid. P.15.

¹¹ Senadores. 1917. T.II. P.988; Diputados. 1917. T.VI. P.4, 8, 10.

¹² Rojas R. La guerra de las naciones. Buenos Aires, 1924. P.7.

¹³ Ibid. P.74.

¹⁴ Ibid. P.287.

¹⁵ Ibid. P.26.

¹⁶ Ibid. P.199.

¹⁷ Ingenieros J. Los tiempos nuevos. Buenos Aires, 1921. P.31–32.

¹⁸ Ibid. P.47/

¹⁹ Ibid. P.47–49.

²⁰ Так, один из руководителей социалистической партии Э.Дикман утверждал, что "войну развязал безумный Вильгельм". – Historia del socialismo marxista en la Republica Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional. Buenos Aires, 1919. P.26; Justo J.B. De Tomaso A. La Internacional socialista. Informes de los delegados argentinos. Buenos Aires, 1919. P.30, 31.

²¹ Historia del socialismo marxista... P.19–20.

²² Ibid. P.38.

²³ Ibid. P.46–52.

²⁴ Senadores. 1917. T.II. P.963.

²⁵ Foreign Relations of the United States. 1917. Supplement I. Washington. 1931. P.227. [Далее: FRUS].

²⁶ Ibid. P.249–250; Hipólito Yrigoyen... T.IX. P.245.

²⁷ В беседе с американским послом Ф.Стимсоном, излагая причины, по которым он не может объявить войну Германии, Иригойен сказал: "Вы подошли к концу пути, в то время как моя страна находится лишь в его начале. Вы видели, как Германия потопила множество ваших кораблей, уничтожила сотни американских жизней. У Аргентины – ни одной. Ваше терпение иссякло. Для меня является ужасной вещью вовлечь мой народ в большую войну. Я не могу сделать это, руководствуясь лишь симпатиями. Я должен иметь конкретное оскорбление, Германия не нарушила ни одного обещания в отношении нас". – Цит. по: Peterson H.F. Argentina and the United States. 1810–1960. New York, 1964. P.308.

²⁸ Etchepareborda R. La neutralidad y la presión belicista. – Hipólito Yrigoyen... T.IX. P.99.

²⁹ Peterson H.F. Op.cit. P.310.

³⁰ Zanoní E.P. Yrigoyen y la diplomacia aliada. – Hipólito Yrigoyen... T.IX. P.234.

³¹ FRUS. 1917. Washington, 1926. P.5–8.

³² Zanoní E.P. Op.cit. P.235–236; Moreno Quintana L.M. La diplomacia de Yrigoyen. Buenos Aires, 1928. P.170.

³³ Senadores. 1917. T.II. P.964.

³⁴ Ibid. P.963; FRUS. 1917. Suppl. I. P.275.

-
- ³⁵ АВПРИ. Ф.133. Канцелярия МИД. 1917. Д.11. Л.1; FRUS. 1917. Suppl.I. P.255.
- ³⁶ Senadores. 1917. T.II. P.965–967.
- ³⁷ Siepe R. Yrigoyen, primera guerra mundial y las relaciones economicas. Buenos Aires, 1992. P.25.
- ³⁸ FRUS. 1917. Suppl. I. P.322–323.
- ³⁹ Peterson H.F. Op.cit. P.312.
- ⁴⁰ Ibid. P.313.
- ⁴¹ Senadores. 1917. T.III. P.1912.
- ⁴² Peterson H.F. Op.cit. P.313.
- ⁴³ Albert B. South America and the First World War. The impact of the War on Brazil, Argentina, Peru and Chile. Cambridge univ. press, 1988. P.65.
- ⁴⁴ FRUS. 1917. Suppl.I. P.306.
- ⁴⁵ Ibid. P.367. Albert B. Op.cit. P.66.
- ⁴⁶ FRUS. 1917. Suppl. I. P.395, 399; Peterson H.F. Op.cit. P.317.
- ⁴⁷ Albert B. Op.cit. P.66–67.
- ⁴⁸ FRUS. 1917. Suppl. I. P.391.
- ⁴⁹ Альперович М.С., Руденко Б.Т. Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С.241–244.
- ⁵⁰ Ugarte M. Op.cit. P.355–356.
- ⁵¹ Hipólito Yrigoyen... T.VIII. P.75.
- ⁵² Ibid. P.92.
- ⁵³ Hipólito Yrigoyen... T.VII. P.115.
- ⁵⁴ Ibid. P.117–120
- ⁵⁵ Ibid. P.193–194.
- ⁵⁶ Ibid. P.415.
- ⁵⁷ Ibid. P.413.
- ⁵⁸ Ibid. P.17; FRUS. 1918. Suppl. I. Vol. I. Washington, 1935. P.687.
- ⁵⁹ Hipólito Yrigoyen... T.VII. P.197.
- ⁶⁰ Ibid. T.VIII. P.29.
- ⁶¹ Ibidem.
- ⁶² Hipólito Yrigoyen... T.VIII. P.79.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ Ibid. P.34.
- ⁶⁵ Ibid. P.33.
- ⁶⁶ Ibidem.
- ⁶⁷ Ibid. P.81.
- ⁶⁸ Ibid. P.34.
- ⁶⁹ FRUS. 1917. Suppl. I. P.236.
- ⁷⁰ Ibid. P.240–241.
- ⁷¹ Ibid. P.264.
- ⁷² Ibid. P.303.
- ⁷³ Ibid. P.260.
- ⁷⁴ Ibid. P.263.

-
- ⁷⁵ Ibid. P.278.
⁷⁶ Ibid. P.279.
⁷⁷ Ibid. P.281.
⁷⁸ Ibid. P.283.
⁷⁹ Peterson H.F. Op.cit. P.333.
⁸⁰ FRUS. 1917. Suppl. I. P.289.
⁸¹ Ibid. P.293.
⁸² Ibid. P.297.
⁸³ Ibid. P.306.
⁸⁴ Ibid. P.365.
⁸⁵ Ibid. P.367.
⁸⁶ Ibid. P.372.
⁸⁷ Ibid. P.377.
⁸⁸ Ibid. P.388.
⁸⁹ Цит. по: Scala J.N. Hipólito Yrigoyen y la sociedad de naciones. – Hipólito Yrigoyen... T.X. P.26.
⁹⁰ Decreto declarando feriado para solemnizar la terminación de la guerra. – Hipólito Yrigoyen... T.X. P.115.
⁹¹ Ibid. P.141–142.
⁹² Ibid. P.131.
⁹³ Mensaje de 1919. – Ibid. P.106.
⁹⁴ Pro Memoria. – Ibid. P.164.
⁹⁵ Цит. по: Scala J.N. Op.cit. P.38.
⁹⁶ Ibid. P.35.
⁹⁷ Hipólito Yrigoyen... T.X. P.179.
⁹⁸ Ibid. P.180.
⁹⁹ Версальский мирный договор. М., 1925. С.7–15; Илюхина Р.М. Лига Наций. 1919–1934. М., 1982. С.88.
¹⁰⁰ Mensaje de 1921. – Hipólito Yrigoyen... T.X. P.107–108; Telegramas con la delegación argentina. – Ibid. P.208–211.
¹⁰¹ League of Nations. The records of the first assembly. Plenary meetings. Geneva, 1920. P.90. [Далее: Records...].
¹⁰² Records... P.91.
¹⁰³ Ibidem.
¹⁰⁴ Ibidem.
¹⁰⁵ Hipólito Yrigoyen... T.X. P.214.
¹⁰⁶ Ibidem.
¹⁰⁷ Ibid. P.215.
¹⁰⁸ Ibid. P.222.
¹⁰⁹ Records... P.
¹¹⁰ Hipólito Yrigoyen... T.X. P.226–227; 241–248.
¹¹¹ Ibid. P.228.
¹¹² Records... P.277.

-
- ¹¹³ Аргентина вернулась в Лигу наций в 1933 г. после свержения Иригойе-на.
- ¹¹⁴ Diputados. 1922. Т. Р.
- ¹¹⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1962. Т.5. С.194.
- ¹¹⁶ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.04. Оп.52. П.342. Д.55314. Л.4.